

ЗМЕЯ И ФАКИР

ОЛЕСЬ БЕНЮХ

НА БЕРЕГУ Бенгальского залива, в Махабалипураме, где несчетные россыпи золотого песка изящно обрамляют ослепительную бирюзу океана, под пышными кронами столетних пальм факир Мани показывает смертный бой свирепой кобры с неуловимой мангустой...

Невысокий, пожилой индиец с лицом, иссеченным морщинами, темный, как все южане, и бедно одетый достал из-за пазухи плоский сверток, бедолага обмотанный тряпками, и стал показывать режню бумагу, красноречиво доказывавшие его манам грамоты, выданные в основном командами иностранных пароходов, которые заходили в мадрасский порт.

Пока мы читали, факир разложил на земле свое нехитрое хозяйство. Оно состояло из двух невысоких круглых корзин. На поводке у Мани, беспокойно обнюхивая корзины, суетилась взрослая мангуста. Сняв крышку с одной из корзин, факир

ловко схватил кобру двумя пальцами за голову, выволок ее на песок. Змея — трехметровая королевская кобра — мгновенно приняла боевую стойку, раздулась, закачалась из стороны в сторону. Мангуста замерла. Почувствовав, что поводок ослаблен, она стала мелкими, едва заметными движениями приближаться к змее. Бросились они друг на друга одновременно. Молнией мелькнула мангуста, черной стрелой упала кобра. Но зверек, видимо, на какое-то мгновение опередил своего противника. Даже пасть раскрыть змея не успела. Мангуста вцепилась ей в голову, прихватив губы клыками намертво, словно клещами, и стала трепать, как прачки треплют белье, прежде чем повесить его сушить. Кобра, огромная и еще минуту назад грозная, беспомощно извивалась, на песок капала кровь...

Между прочим, у кобр, которых держат бродячие факиры, ядовитая железа, как правило, удалена. Но факиры работают и с полноценными змеями. Я имею в виду кобр-крысоловов. В Бомбее мне как-то довелось наблюдать такую картину. Капитан грузового иностранного судна, на котором развелись крысы, пригласил факира, предвзвительно дав команде увольнительную на берег. Пришел индиец с корзиной змей, поставил ее на палубе, недалеко от открытых люков трюма, снял с корзины крышку и ушел отдыхать. Кобры расползлись по кораблю, занялись охотой на крыс. Через некоторое время факир вернулся, достал самодельную свирель, заиграл на ней незатейливую, монотонную мелодию. Минут через 10—15 он сошел с корабля, унося подмышкой свою корзину с кобрами и 10 рупий в кармане.

Из Махабалипурама мы возвратились в Мадрас к вечеру. Я решил прогуляться пешком и пошел не спеша по одной из центральных улиц города — Маунт-роуд. Дневная жара несколько спала, по тротуарам текла шумная, пестрая людская река. Миновал 14-этажный небоскреб страховой компании, я оказался в торговом центре города. По обеим сторонам улицы тянулся нескончаемый ряд магазинов — солидных, роскошно обставленных, с множеством галантерейно улыбающихся, набриллированных продавцов и напомаженных продавщиц — и невзрачных, шумных лавчонок, в которых едва можно повернуться одному человеку, с обязательным пышным названием: «Дворец игрушек», «Ювелирный рай»...

На мгновение я задержался у громадной витрины, где были выставлены всевозможные изделия из змеиной кожи — от галстуков до чемоданов («Товар первый сорт, сэр, настоящая кобра!») — и вспомнил несравненного факира Мани. Вспомнил я и историю, рассказанную мне одним из мадрасских друзей. Местом действия была та самая улица, по которой я теперь шел. Странствующий факир показывал бой мангусты с коброй. Случилось так, что в толпе зрителей оказался фанатик из Общества по охране животных. И вот, когда бродячий укротитель змей уже нагнулся, чтобы подобрать с земли подданные ему скудные гроши, на его плечо легла тяжелая рука полицейского. «За бессердечное истязание кобры» несчастного факира притянули к суду и приговорили к 50 рупиям штрафа. Бедняк, он в жизни не держал такой суммы в руках! В случае неуплаты штрафа по закону полагается тюрьма, куда и был водворен «жестокосердый садист». Ожидая, пока иссякнет поток машин и можно будет пересечь улицу, я невольно подумал, что это, пожалуй, одна из последних побед воителей старого мира.